

ДЕТИ СТРАХА

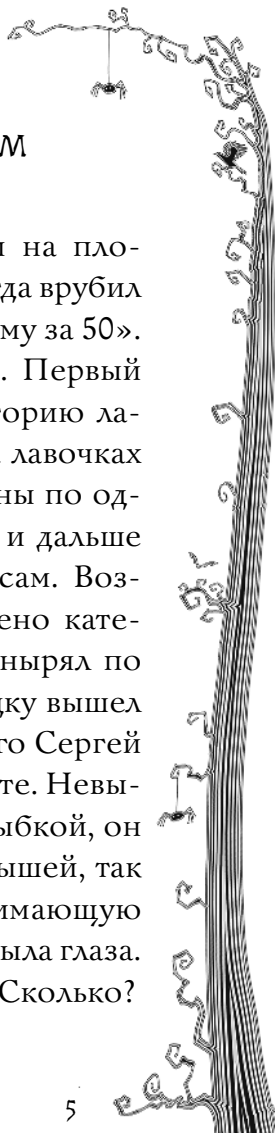

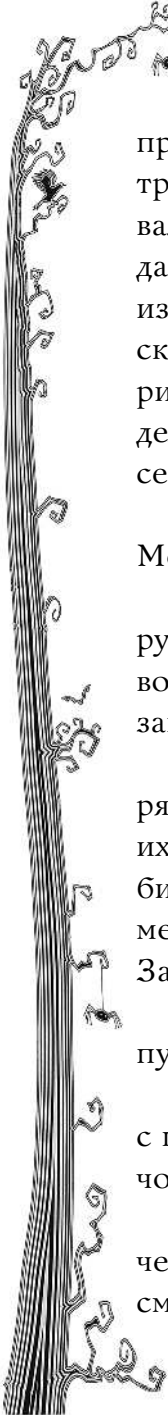
Глава 1

Анжела-вампир, дед с красным лицом и другие знакомые

Вечер прошел в унылом сидении на площадке. Физрук Титомирыч как всегда врубил свой любимый диск с музыкой «кому за 50». Под нее прыгали только малыши. Первый отряд с вожатыми ушел за территорию лагеря на костер. А второй сидел на лавочках вдоль площадки и протухал. Пацаны по одному утекали через кусты за клуб и дальше теми же кустам по своим интересам. Возвращаться в палаты было запрещено категорически — старший вожатый шнырял по корпусам с проверкой. На площадку вышел начальник лагеря Квадрат. Звали его Сергей Сергеевич. То есть Сергей в квадрате. Невысокий, полный, с добродушной улыбкой, он с таким восторгом смотрел на малышей, так заодно подпритопывал под вынимающую душу «тунц-тунц», что Нинка закрыла глаза.

- Тоска, — прошептала она. — Сколько?
- Две недели.

На ответ Нинка головы не повернула, продолжая прислушиваться к своему внутреннему голосу, который говорил, что надо валить. И не только с этой площадки подалее от зверских завываний, но и вообще из лагеря. Выйти за ворота, сделать ручкой, сказать всем: «Прощай навек!» и раствориться в сумерках. Две недели. Еще две недели. Как срок. Как приговор. Надо было себя чем-то развлечь.

— А в прошлом году тут ничего было. Мороженое после обеда.

— И на дискотеку местных пускали. Физрук другой был. Пингвина помнишь? С ним вообще все можно было. Пацаны реперов запускали. А Анжелка пела.

Нинка открыла глаза. Говорили сидевшие рядом девчонки, соседки по палате. Имена их Нинка за неделю не запомнила и не собиралась. Им осталось здесь прожить полмесяца, и больше они никогда не встретятся. Зачем ей их имена?

— Идиотское имя Анжела, — уронила в пустоту перед собой Нинка.

— Нормальное, — пискнула красотка с пушистыми светлыми волосами. — И девчонка была хорошая.

— Ты знаешь хотя бы одного приличного человека с таким именем? — Нинка упорно смотрела на прыгающую мелюзгу.

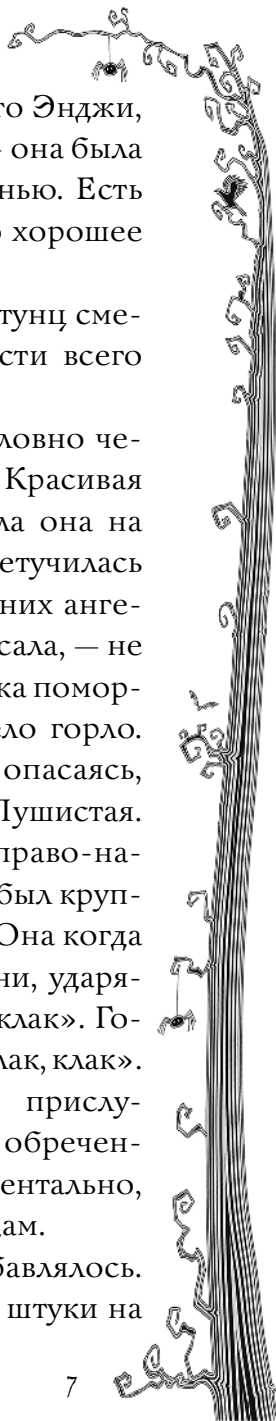
— Анжела — это то же самое, что Энджи, ангел. — Голос красотки дрогнул — она была готова защищать неведомую певунью. Есть такие альтруисты. О людях только хорошее говорят.

Нинка лениво фыркнула. Тунц-тунц сменился медляком. От невыносимости всего этого стрельнуло между ушей.

— Знала я одну Анжелику, — словно через силу произнесла Нинка. — Красивая была. Такая же, как ты, — кивнула она на блондинку, и у той из глаз тут же улетучилась готовность спорить за прошлогодних ангелов. — Чего там она — пела или плясала, — не помню. Но была вся такая... — Нинка поморщилась, словно у нее враз заболело горло. Собеседницы потянулись к ней, опасаясь, что на этом рассказ кончится. — Пушистая. Любила... — Нинка покосилась направо-налево... — кольца. У нее один такой был крупный перстень, с камнем большим. Она когда их несколько нацепляла, то перстни, ударяясь друг о друга, клацали — «клак, клак». Говорит и так рукой поигрывает — «клак, клак».

Нинка шевельнула пальцами, прислушалась. «Ты меня любишь!» — обреченно взвыл певец. И следом монументально, словно дома роняли — та-дам, та-дам.

— И с каждым днем колец прибавлялось. У нее этих украшений уже по три штуки на

каждом пальце, — продолжила рассказ Нинка. — Однажды я на одном колечке пятнышко заметила. Красное. Откуда? Мы вроде все время в школе. Где тут испачкаться? Она трет пятно, а оно не сходит. Дальше — хуже. На новых кольцах все больше и больше пятен стало появляться. Эта Энджи как в школу приходила, сразу руки под воду совала. Вода с ее пальцев красная текла. И вот однажды сидит она в классе, и вдруг директриса заходит. Энджи всплеснула руками, и во все стороны кровь брызнула. Так всех и залила. Потом выяснилось, что она вампир. Людей убивала, кольца с них снимала и на себя напяливала. И вот стали ее жертвы воскресать. И от этого на кольцах пятна появились. Последней директриса, вот она и пришла к своей убийце. От этого и кровь пошла.

— Что за бред? — раздалось у Нинки за спиной. Парень какой-то сказал. Голос хрипловатый. Вроде не из второго. Нинка почувствовала, что сидевшие рядом девчонки дернулись на реплику, но сама приморозила взгляд к танцующим малышам.

— Кому и бред, а кто-то колечко трет.

Все на лавке опять дернулись. Сидящая слева девчонка, худая, с короткой стрижкой и большими глупо-оленьими глазами, сунула руки под себя.

— Чего сразу трет? — буркнула с глазами.

— Вот дуры, — зачекинил событие парень за спиной.

— Иди отсюда, — зашикали на него красотка и ее соседка с косой.

— И вообще — так не бывает, — буркнула глазастая.

— Значит, Анжела с песнями и красивая бывает, а Анжела с кольцами и кровью нет? — Нинка не отрывала взгляда от танцующей перед ней пары. — Она уже давно мертвяк была. Я мертвяков за версту чую.

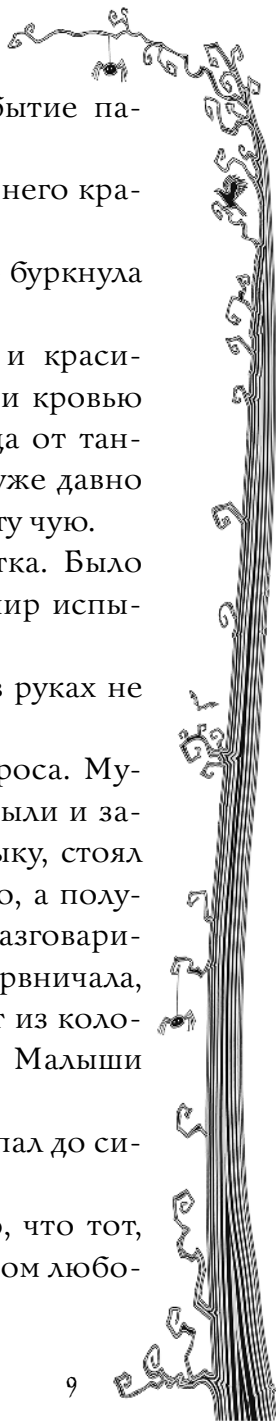
— Как это? — опешила красотка. Было видно, что ее радужно-розовый мир испытывает сильное потрясение.

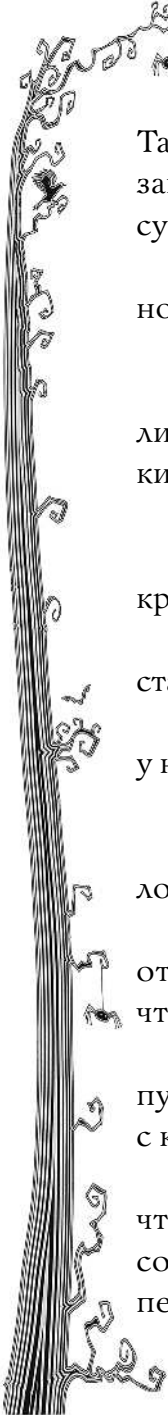
— А ты что, никогда мертвых в руках не держала?

Наступила пауза. Не из-за вопроса. Музыка удачно смолкла. Малыши завyli и заозирались. Пульт, выдающий музыку, стоял за лавками. Все уставились на него, а получилось, как будто смотрели на разговаривающих девчонок. Красотка занервничала, стала дергать на себе юбку. Но тут из колонок грянуло очередное бумцанье. Малыши завизжали, запрыгали.

— Как это? — голос красотки упал до сипения.

— Ничего сложного! Известно, что тот, кто мертвого в руке подержит, потом любого мертвяка определит.

Нинка медленно повернулась к глазастой. Та уже успела вытащить из-под себя руки, но заметив, что на нее смотрят, опять их туда сунула.

— А чего? — пробормотала она рассеянно.

— С тобой — ничего, — отрезала Нинка. Замолчали. Сзади сплюнули и зашуршали. Нинка опять почувствовала, что девчонки рядом заозирались.

— Кто это был? — спросила с косой.

— Кажется, из первого, — прошептала красотка.

— Они же на костре, — напомнила глазастая.

— Э тот... — Красотка споткнулась. — Он у них в изоляторе лежал.

— Ты откуда знаешь? — фыркнула с косой. Красотка замялась, стала поправлять волосы и одергивать юбку.

— Он сразу в изолятор попал, — за нее ответила с глазами. — У него аллергия на что-то.

— Вы ходили в первый отряд? — не выпускала подружек из хватки своих вопросов с косой.

Нинка не выдержала и качнула головой, чтобы посмотреть на непонятливую с косой. Им скорее сложно было не попасть в первый отряд, чем попасть в него — все жили

в одном корпусе, на одном этаже. Палаты мальчиков налево, палаты девочек направо. У первого отрядный уголок в левой игровой, у второго — в правой. И за этой игровой — комнаты вожатых. Где тут теряться? Все лица примелькались. А этого плевуна, вероятно, нет, раз про него спрашивают.

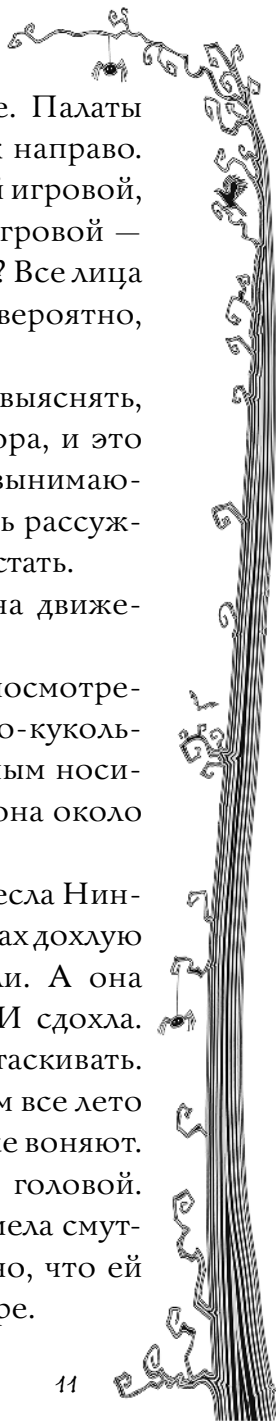
Девчонки через Нинку стали выяснять, кто и где видел обитателя изолятора, и это уже был перебор. Вместе с душевынимающей песней про три дня на любовь рассуждения о парнях Нинку заставили встать.

— Ты куда? — отреагировала на движение с косой.

Нинка не спеша повернулась и посмотрела на красотку. У нее было точено-кукольное личико, с маленьким аккуратным носиком и узким подбородком. Спала она около окна.

— Например, кошка, — произнесла Нинка. — Я несколько раз держала в руках дохлую кошку. Один раз сарай разбирали. А она застряла в гитаре. Между струн. И сдохла. Пришлось ее оттуда по частям вытаскивать. А другой раз у соседей под забором все лето дохлые кошки находились. А они же воняют.

Красотка неуверенно качнула головой. О том, как пахнут мертвые, она имела смутные представления. Но было видно, что ей хватило рассказа про кошку в гитаре.

— Но как? — пискнула она. — Она же мертвая.

Нинка пожала плечами.

— Нас постоянно окружают мертвые. А мы и ничего, не дергаемся.

Красотка открывала и закрывала рот. Противник был сражен.

— Но ведь жалко, — еще зачем-то барахталась красотка.

— Тебя, что ли?

Красотку — да, ее было жалко — нижняя губа дрожала, челка ползла на глаза, на щеках наличествовала бледность. С косою погладила ее по руке.

— Зачем? — Нинка подпустила в голос равнодушия. — Она же мертвая. Ей все равно.

Музыка опять сменилась на медляк.

— Убью! — взвизгнули в толпе мелких. Из круговорота танцующих вынырнул пацан, темные волосы стояли дыбом. За ним неслась девчонка с закрученными в тугие спирали кудрявыми волосами. Она не успевала. Пацан очень шустро проскочил мимо взрослых и устремился в темноту корпусов. Девчонка швырнула ему вслед тапку. Тапка повторила маршрут пацана и точно вошла ему между лопаток. Пацан подпрыгнул и прибавил скорость. Через мгновение на дорожке осталась лежать одинокая тапка.

— Пося, ты покойник! — в запале крикнула девчонка. К ней торопилась вожатая со зверским выражением лица.

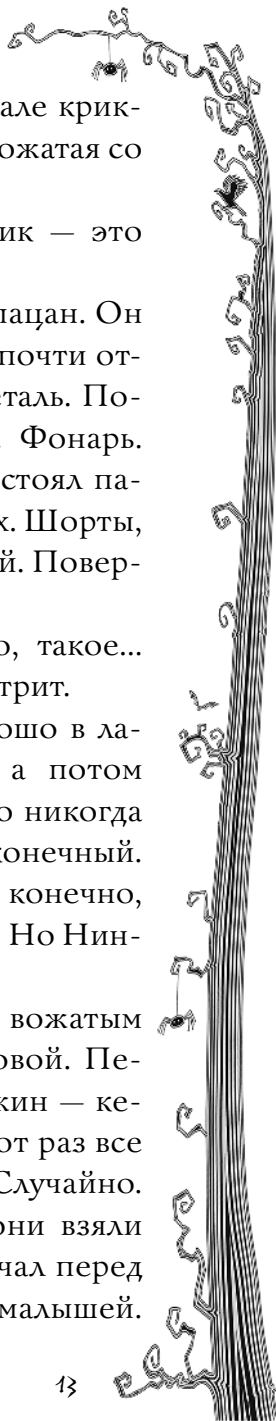
Нинка скривила губы. Покойник — это хорошо. Непонятно только — кто.

У тапки нарисовался взрослый пацан. Он пнул ее и ушел в тень. Нинка уже почти отвернулась, когда что-то задело. Деталь. Посмотрела опять. Тапка. Дорожка. Фонарь. За ним — темнота. А перед этим стоял парень. Что-то было. Руки в карманах. Шорты, длинные, до колен. Тощий. Сутулый. Повернулся.

Нинка сглотнула. Что-то было, такое... Вроде как заметное. Потом посмотрит.

Она пошла к корпусу. Что хорошо в лагерях? Рассказываешь историю, а потом забываешь про людей. Потому что никогда с ними не встретишься. Город бесконечный. Пересечения случайны. Это если, конечно, не стараться зачатиться в соцсетях. Но Нинка этого делать не будет.

Квадрат с сутулым старшим вожатым прошли от танцплощадки к столовой. Перед сном всем выдадут поздний ужин — кефир. Обычно с печеньем. Но в этот раз все печенье забрал первый отряд. Случайно. Им велели взять из коробки, а они взяли всю коробку. Кто-то об этом кричал перед дискотекой. Кажется, вожатая малышей.

Наедятся теперь старшаки печенья с чаем до отвала.

Нинка свернула к корпусу. Дверь была закрыта. Зато открыты окна. Подтянуться, перекинуть себя через подоконник, миновать батарею, ботинками по покрывалу кровати красотки и к себе.

Палата была большая — на двенадцать кроватей, по шесть вдоль стены. Нинка упала на третью от двери. Центр. Все как она любит.

— Пося! Стой! Все равно не уйдешь! — все еще пыталась добиться непонятно чего поклонница шустрого Поси.

Ползла вечерняя прохлада. Топот. Шуршание. Что-то царапнуло стену корпуса. Стало жарче, словно закрыли окно.

— Никакой Анжелы не было.

С косой. Поначалу Нинка думала на красотку. Она была вьедливей. Но по вопросам специалистом оказалась с косой. Еще и правдоруб.

— Ты все выдумала.

До кефира полчаса. А ведь можно было нормально время провести, глядя в темный потолок.

Помимо всех остальных бед у этого места в первый же день нарисовалась главная БЕДА — отсутствие связи. Это была какая-то дыра мира, вселенская впадина, где

телефоны брали с трудом, а инет вообще не ловился. Спасали только стационарные компьютеры в игровой. Но там вечно висели малыши. Без шансов. Поэтому выбор самостоятельных занятий был широк — смотреть направо, смотреть налево и в потолок. Потолок в темной палате — это было самое интересное.

— Тебе что надо? — лениво спросила Нинка.

С косой лежала локтями на подоконнике, торчала башкой в проеме — мешала проходу свежего воздуха.

— Я вот всего этого боюсь, — прошептала с косой. — А ты так легко рассказываешь.

Понятно, скучает. В этом лагере все скучают.

— В прошлом году никакой Анжелы тоже не было, — решила примириться с действительностью Нинка.

— Была. Только пела плохо. Этих певцов было — тьма. Они даже надоели.

Нинка перевела взгляд на потолок. Пока не появилась с косой, там можно было рассмотреть целый мир. Мелькали тени, переплетался рисунок, рождались истории. Телевизор не нужен.

— Была.

— Пося! Пося! — орали уже хрипло, но все тонуло в шорохе голосов — малышей

